

Андрей Кострюков

Зарубежное Высшее церковное управление в Константинополе

К 100-ЛЕТИЮ
РУССКОГО ИСХОДА
И ОБРАЗОВАНИЯ
РУССКОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ
ЦЕРКВИ

В истории Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) был период, о котором мало известно, так как документальных источников сохранилось не много. Речь идет о пребывании Зарубежного церковного управления в Константинополе с ноября 1920 по май 1921 года. Тогда РПЦЗ еще не обзавелась своей периодикой, а формирование делопроизводственной базы началось позже, с переездом Зарубежного Синода в Сремские Карловцы (Сербия). Получается, что первые месяцы существования Зарубежной Церкви — некая *terra incognita* даже для специалистов. Столетие тех событий дает повод задуматься о причинах появления в эмиграции автономной церковной структуры.

В стране далече

Поражение Русской армии П.Н. Врангеля в ноябре 1920 года привело к массовой эвакуации из Крыма как участников боевых действий, так и множества мирных жителей. Покинуло полуостров и Высшее церковное управление (ВЦУ) Юга России, действовавшее на «белых территориях» в 1919–1920 годах (подробнее о нем см.: Юлия Бирюкова, Временное высшее церковное управление на Юге России в 1919–1920 годах. ЖМП, 2018, № 1. – Ред.). Правда, его глава, архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), свою епархию не оставил — за границей лидером церковной эмиграции стал митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Изначально архипастырь хотел распустить церковное управление и удалиться в монастырь, передав паству Поместным Церквам. Однако другие архиереи настаивали на продолжении деятельности ВЦУ, в частности архиепископ Евлогий (Георгиевский) и особенно епископ Вениамин (Федченков).

Протоиерей Григорий Ломако вспоминал:

«С митрополитом Антонием стоим у окна. Влетает бурнопламенный епископ российского

христоролюбивого воинства владыка Вениамин и выпаливает:

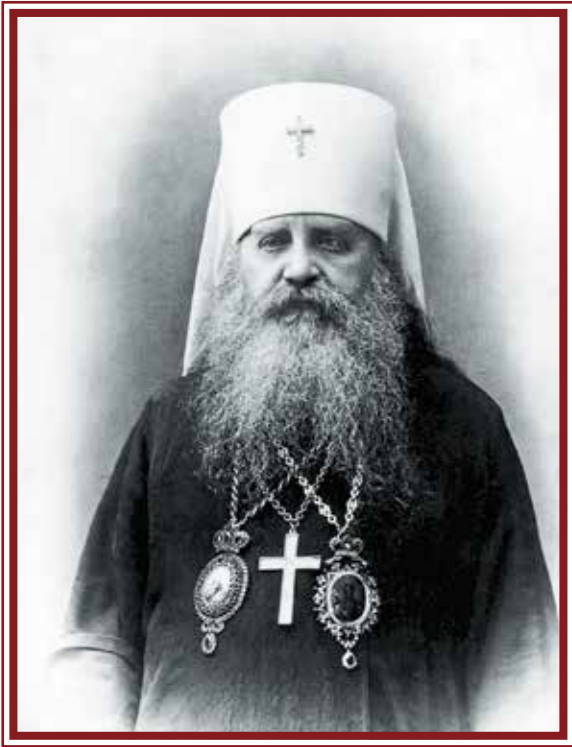
— Открывается в Константинополе Высшее церковное управление заграничной Церковью. Митрополит Антоний:

— Кто посоветовал вам сделать эту глупость? — Это я сам».

Оказалось, что епископ Вениамин уже посетил других иерархов, прежде всего митрополита Платона (Рождественского) и архиепископа Феофана (Быстрова), и убедил их сохранить Высшее церковное управление¹. Вскоре и сам митрополит Антоний перестал считать проект глупостью.

Основания для дальнейшей деятельности церковного управления действительно имелись. Не будем забывать, что еще с крымских времен ВЦУ занималось внешними вопросами Российской Церкви начиная с кадровых назначений и заканчивая переговорами с Константинополем по вопросу польской и грузинской автокефалий². По-прежнему необходимо было решать подобные проблемы внешние вопросы, поскольку Патриарх Тихон контролировать жизнь русских епархий и приходивших за границей в тот момент не мог. Известен случай, когда приглашение на конференцию в Женеву Патриарху Тихону даже не показали — из Советской России письмо вернулось обратно с издевательской отметкой, что местонахождение адресата неизвестно³. Понятно, что в условиях, когда московская церковная власть не могла заниматься внешними вопросами, взять их на себя могло только единое зарубежное управление.

Однако административные дела отступали на задний план по сравнению с пастырскими задачами. В эмиграции к концу 1920 года оказалось около двух миллионов беженцев. И хотя связь с Патриархом Тихоном была потеряна, эмигранты, как правило, не допускали и мысли о перехо-

*Митрополит Киевский
и Галицкий Антоний
(Храповицкий)
(слева)*

*Епископ Вениамин
(Федченков)*

де в другие Поместные Церкви — слишком непонятным и чуждым казался их церковный быт.

«Стали облачаться, — вспоминал свое богослужение в греческом храме протоиерей Сергей Булгаков. — Не сразу определил, где я нахожусь. И лишь позднее я понял, что это был боковой алтарь, а стол, около которого мы раздевались, был святой престол. Я был в совершенном ужасе, когда рассмотрел: на престоле было навалено, какой-то чемодан, две рясы <...> У другого придела на престоле были навалены какие-то богослужебные книги и, опершись в фривольной позе, стоял служивший священник, и нам протягивали — на запивку после причастия — по рюмке красного вина. Относительно главного престола сдерживались, только было по бокам положено несколько книг. Это был такой ужас, что я сейчас с тяжелым отвращением вспоминаю про этот базар в алтаре <...> Вчера мне рассказывали, что люди, приходившие в греческий храм на Страстной к Страстям, со слезами уходили, не вынеся безобразия в храме»⁴.

Но и сербско-болгарский уклад также не устраивал русских изгнанников. Сербское пение казалось «монотонным», а балканские богослужебные и бытовые особенности непривычными. В Болгарии, например, не были приняты обязательный пост и исповедь перед Причащением, не было традиции причащаться в Великий Четверг

Сербское пение казалось «монотонным», а балканские богослужебные и бытовые особенности непривычными.

и Великую Субботу, не всегда и не везде служили всенощные бдения накануне воскресных дней⁵.

Неудивительно, что русские беженцы, в какой бы стране они ни оказались, первым делом открывали храмы. В Турции, например, такие церкви устраивали в частных домах, арендованных у местных жителей, а иногда и в армейских палатках. Алтарными преградами служили простыни с прикрепленными к ним бумажными иконами, а подсвечники беженцы мастерили из жестяных коробок.

Организация церковной жизни

К моменту прибытия ВЦУ в Стамбул за границей уже находилось более двадцати русских архиереев. В Турции приходами управлял архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский), изгнанный с кафедры за отказ нарушить каноны и подчиниться Румынской Церкви⁶. В высшей духовной школе Константинопольской Церкви на о. Халки преподавал святитель Серафим (Соболев). На острове Лемнос окормлял русскую паству епископ

Митрополит
Анастасий
(Грибановский)
(слева)

Архиепископ
Гавриил (Чепур)

Екатеринославский Гермоген (Максимов). В Сербии с 1920 года обосновались известный гимнограф епископ Челябинский Гавриил (Чепур) и епископ Курский Феофан (Гаврилов). Последний не руководил общиной беженцев, но и организовал религиозно-философское общество. Председателем был сам епископ Феофан, а членами общества — профессора университетов и академий. Еженедельные доклады собирали от 50 до 100 человек⁷. В г. Земуне находилась спасенная архипастырем «Одигитрия русского рассеяния» — Курская-Коренная икона Божией Матери. Наконец, несколько иерархов, множество священников и сотни тысяч беженцев находились к тому времени в Китае.

Помимо создания приходов необходимо было решать и вопросы об улучшении богослужения, о развитии издательской деятельности, о создании братств и сестричеств, о проповеди. Все это требовало значительных материальных средств, изыскание которых было под силу лишь единой церковной организации.

Однако изгнанники нуждались в священниках не только как в совершителях таинств и хранителях русских традиций, но и как в патриотических лидерах. А потому еще одним поводом для продолжения деятельности ВЦУ стало

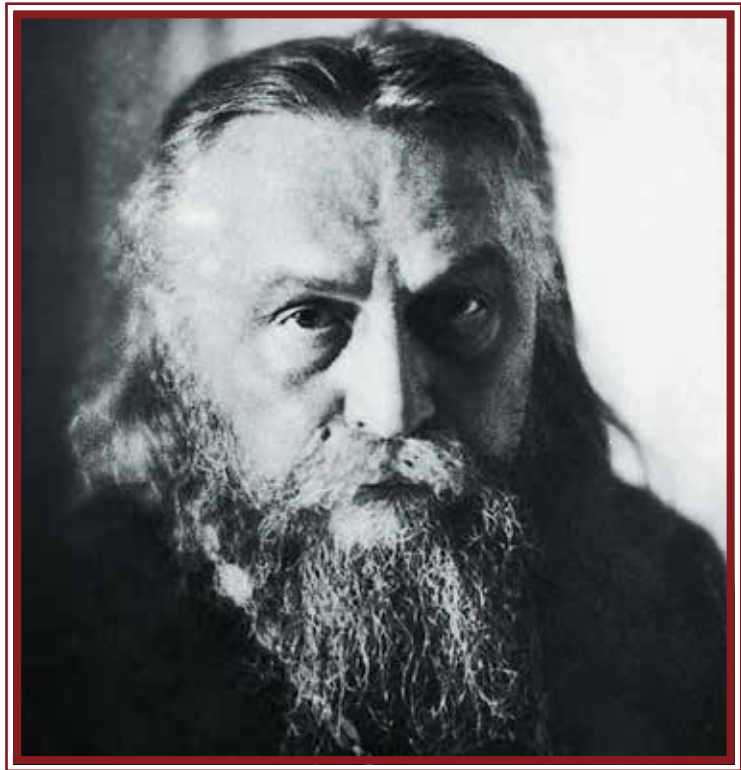
известие, что генерал П.Н. Врангель планирует сохранить военную организацию для будущего антибольшевистского похода. Вне всяких сомнений, ни греческое, ни болгарское, ни сербское духовенство не могло взять на себя идейное лидерство в русской эмиграции, не могло в должной степени понять ее чаяний освобождения Родины. Не могли претендовать на роль объединителей и политические партии — они были малочисленны, бедны и раздроблены. Как шутили эмигранты, за границей имелись самые разные партии, «от Маркова до Мартова», то есть от монархистов до коммунистов-меньшевиков. Получалось, что объединяющим началом для русских беженцев остается только Церковь.

Итак, ВЦУ Юга России в эмиграции продолжило свою деятельность. 19 ноября 1920 года на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в стамбульском порту было проведено первое заседание ВЦУ в эмиграции. В этом историческом собрании участвовали митрополиты Антоний (Храповицкий) и Платон (Рождественский), архиепископ Феофан (Быстров), епископ Вениамин (Федченков) и протоиерей Георгий Спасский. Все они, за исключением протоиерея Г. Спасского, вошли и в состав Зарубежного ВЦУ, председателем которого стал митрополит Антоний⁸.

Впоследствии Русскую Зарубежную Церковь нередко обвиняли в том, что она в значительной степени состояла из епископов, покинувших свои кафедры. Предвидя это, ВЦУ изначально отметило, что оставление архиереями своих кафедр не препятствовало сохранению святительских полномочий. Выдвигались канонические основания, и прежде всего 39-е правило VI Вселенского Собора⁹. Согласно этому правилу, главе Кипрской Церкви епископу Иоанну, переселившемуся со своей паствой из завоеванного сарацинами Кипра в область Константинопольского Патриархата, разрешалось и в изгнании сохранить свои права и полномочия. Указывали в эмиграции и на целый ряд исторических прецедентов, например на оставление своих кафедр во время гонений великими святителями Афанасием Александрийским, Кириллом Иерусалимским, Киприаном Карфагенским и другими.

То, что оставление кафедр по причине опасности, исходившей от богоборцев, не является преступлением, подтвердил Патриарх Тихон. Во-первых, ВЦУ на Юге России в Крымский период (1920 г.) почти полностью состояло из архиереев, покинувших свои кафедры. Однако Патриарх Тихон признавал их распоряжения законными. Во-вторых, после переезда иерархов за границу Патриарх Тихон не осудил их и даже согласился с новыми назначениями, как в случае с митрополитом Платоном (Рождественским), архиепископом Евлогием (Георгиевским) и епископом Серафимом (Соболевым).

Зарубежное ВЦУ уже на первом заседании решило обратиться в Константинопольскую Патриархию для урегулирования своего статуса. Благословение было получено. 2 декабря 1920 года последовала грамота местоблюстителя патриаршего престола митрополита Дорофея за №9084 на имя митрополита Антония (Храповицкого). Русским архиереям было разрешено создать временную церковную комиссию (Эпитропию) под высшим управлением Константинопольской Патриархии для руководства церковной жизнью русских колоний в пределах православных стран¹⁰. Этот документ не давал оснований для организации самостоятельной церковной структуры, что не представляется удивительным: Константинопольский престол не потерпел бы рядом с собой какой-либо самостоятельной цер-

*Протоиерей
Сергий
Булгаков*

ковной власти. Права комиссии были существенно урезаны и в области брачных разбирательств, что впоследствии стало причиной постоянных столкновений¹¹. Однако Патриархия не возражала против существования Русской Зарубежной Церкви для руководства беженцами, что подтвердил в 1922 году митрополит Каллиник (Деликанис). Согласно его статье в журнале Константинопольского Патриархата «Церковная истина», Фанар объяснял поддержку РПЦЗ духовными причинами, прежде всего желанием помочь страждущему русскому Православию¹².

Само Зарубежное ВЦУ видело себя не «комиссией», подчиненной Константинополю, а полноценным руководящим органом. Сразу после получения указа ВЦУ сообщило русским зарубежным приходам, что является правопреемником Высшего церковного управления на Юге России и представляет собой высшую власть для заграничных приходов впредь до установления «правильных и свободных сношений» с московской церковной властью¹³.

В скором времени из разных уголков мира стали поступать ответы с поддержкой данного указа. «Благостнейшие Архипастыри Церкви Христовой, Русской Православной! — говорилось в одном из посланий. — Отзовитесь! Заявите

**КОСТРЮКОВ
АНДРЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Доктор исторических наук, кандидат богословия. Родился в 1973 г. в Наро-Фоминске Московской области. Окончил Московскую духовную академию и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Церкви, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Автор восьми монографий и более 120 статей и публикаций в научных и научно-популярных журналах.

о своем существовании тем вашим духовным чадам, которые как овцы без пастыря рассеяны ныне по различным местам <...> Желаем, чтобы в великом рассеянии православная Русская Церковь была единым внутренне спаянным и руководимым своими архипастырями целым»¹⁴.

Об организации русского Зарубежного ВЦУ в Константинополе митрополит Антоний (Храповицкий) сообщил Патриарху Тихону. Святейший, по его собственному признанию, дал Зарубежному церковному управлению свое благословение¹⁵, однако этот документ за границу не дошел и на него в эмиграции никогда не ссылались.

Сам митрополит Антоний душой пребывал на Афоне. В течение нескольких месяцев он пытался добиться разрешения Константинополя удалиться на Святую Гору для монашеских подвигов. Положительного ответа архипастырь не дождался. Вместо этого митрополита пригласил к себе глава Сербской Церкви — Святейший Патриарх Димитрий. 16 февраля митрополит Антоний был командирован церковным управлением в Королевство сербов, хорватов и словенцев и остался там навсегда¹⁶. После отъезда митрополита председательство в ВЦУ перешло к архиепископу Анастасию (Грибановскому), которого иногда заменяли архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Вениамин (Федченков)¹⁷.

ВЦУ продолжало заниматься церковно-административными делами, прежде всего обеспечением нормальной церковной жизни русским беженцам. 8 апреля 1921 года был повторен указ о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) в Западную Европу. В первый раз указ был издан ВЦУ еще в Крыму в октябре 1920 года, но до архиепископа Евлогия так и не дошел. Для решения проблем в Америке ВЦУ командировало туда митрополита Платона (Рождественского)¹⁸.

Собирание души русской

Была организована и пастырская деятельность. Епископ Царицынский Дамиан (Говоров), например, добился от городских властей передачи здания из 36 комнат, где был устроен «Русский дом». Здесь иерарх организовал интернат для осиротевших детей.

Не забывало церковное руководство и о создании идейной базы Русской Зарубежной Церкви. В том, что массы православных оказались за пре-

делами Отечества, некоторые видели промыслительное значение. Идеи о великой миссии эмиграции были в тот момент близки и святителю Тихону, который говорил, что перед епископами-эмигрантами стоит очень важная задача — просвещение народов светом истинной Христовой веры¹⁹. В таком же духе мыслил и епископ Дамиан (Говоров), записавший в своем дневнике: «Христианское сознание говорило нам, что все совершившееся наяву — не случайное явление. Движение Российское и движение мировое привело нас к центру Православия для какой-то великой цели»²⁰.

Но в чем заключалась эта цель? Данный вопрос должно было обсудить «Церковно-Представительное собрание» заграничных епископов, клириков и мирян. Для его подготовки была организована комиссия в составе председателя — епископа Вениамина (Федченкова), трех протоиереев и восьми мирян. Созыв Собрания благословил местоблюститель Вселенского Престола митрополит Кесарийский Николай²¹.

Комиссия по подготовке Собрания отметила главные задачи для Русской Зарубежной Церкви — решение проблем беженцев, а также решение глобальных национальных проблем. Как отмечено в докладе, перед русским рассеянием стоят «сверхнациональные», «сверхславянские» задачи. Авторы доклада были уверены, что Россия исцелится от революционных страстей, возрастет духовно, осознает свою миссию и со временем сама сможет давать приют другим, причем не только физический, но и духовный²². Однако освобождение страны от безбожной диктатуры не подразумевало проповеди каких-либо политических идей. Комиссия отметила, что задача русской эмиграции — осуществлять «процесс «собираания души русской», слияния всего народа, всех классов в единое целое»²³.

Православие, как основа русской нации, ставилось на первое место. «Составляем ли мы, русские эмигранты, хотя бы потенциально, русскую нацию? — говорилось в материалах комиссии. — На такой вопрос приходится с горечью дать отрицательный ответ. Единой государственной воли и мысли, государства в нашей эмиграции нет. Нужны иные силы, которые бы смогли объединить русских вне России. Если невозможно никакое политическое

соглашение (горько признаваться в этом после всего, что нами пережито!), то нужно, очевидно, нравственное перевоспитание. Если у нас нет государства, у нас остается Церковь <...> Церковь дала бы нам, русским эмигрантам, ту организацию, которую мы привыкли иметь от государства, — дала бы единый центр для различных и разрозненных групп русской эмиграции. Если бы создался такой центр, мы перестали бы быть беженцами, а стали бы нацией или, по крайней мере, зародышем будущей нации. Так католическая церковь на протяжении полутора веков сохранила польскую нацию и помогла ей стать на ноги. Так греческая православная церковь сохранила и подняла греческую нацию. Теперь на Русской Православной Церкви лежит задача — оказать ту же помощь “бредущим врозь” русским эмигрантам, собрать их воедино духовно, если не физически»²⁴.

Во время работы комиссии большая часть архиереев выехала из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев. 15 мая 1921 года состоялось последнее заседание ВЦУ перед отъездом в эту страну. Административный центр Зарубежной Церкви переместился в город Сремские Карловцы близ Белграда. Постепенно переезжали в Европу и другие русские эмигранты.

Поэтому Церковно-представительное собрание, все-таки прошедшее в Стамбуле 21–22 июля 1921 года, так и не стало тем грандиозным фо-

румом, которым изначально замышлялось. Архиереев на нем было немного — председатель епископ Вениамин (Федченков), епископ Дамиан (Говоров) и представитель Константинопольского Патриархата епископ Неокесарийский Поликарп²⁵.

Однако малая представительность в какой-то степени стала для собрания благом. Отсутствие на собрании «статусных» политиков помогло ему решать национальные задачи прежде всего в церковном, христианском духе. Н. М. Зёрнов вспоминал, что на собрании «царил дух подлинной церковности»²⁶. Собранием был выработан ряд документов, среди которых были «Положение об управлении Российской Церковью Заграницей», «Временное положение об управлении заграницными церковными округами и общинами», «Проект обращения ко всем верующим во Христа» и другие. Постановления Константинопольского собрания были рассмотрены ВЦУ в Сремских Карловцах, дополнены и одобрены²⁷.

Собрание стало последним отголоском деятельности Зарубежного ВЦУ в Константинополе. В истории Русской Зарубежной Церкви начался новый, «югославский» период. Однако полугодовое пребывание руководства РПЦЗ в турецкой столице все же оставило свой след в истории — именно в эти месяцы был заложен идеологический фундамент Русской Зарубежной Церкви, дан старт ее существованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Запись пастырского собрания в Париже. 29. VIII. 1945. С. 3 // Архив ОВЦС. Д. «Русская Православная Церковь заграницей». П. «1946». Ч. 2. Л. 569.

² См.: Мазырин А., свящ., Кострюков А. Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М.: ПСТГУ, 2019. С. 250–253.

³ См.: Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 12.

⁴ Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 139–140.

⁵ См.: Шавельский Г., протопр. В школе и на службе. Воспоминания. М.; Брюссель, 2016. С. 592–595.

⁶ Бессарабия была присоединена к Румынии в 1918 году.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–19.

⁸ См.: Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего митрополита Антония. Нью-Йорк, 1959. Т. 5. С. 6, 7, 15.

⁹ См.: Троицкий С. О правах епископов, лишившихся кафедр без своей вины. Каноническая норма // Церковные ведомости. 1926. № 17–18. С. 12–17.

¹⁰ См.: К делу о «Всеамериканском Высшем Русском Церковном Управлении» (Следствие над архиеп. Анастасием, Александром и др.). Документы. Константинополь, 1924. С. 6.

¹¹ См.: Там же. С. 6–7.

¹² См.: Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. Ἀριθ. 26. 2 Ιουλίου 1922. Σ. 280. Ссылка предоставлена иереем Павлом Ермиловым.

¹³ Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 6–7.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–

1943 гг. / Сост. М. Губонин. М., 1994. С. 261; Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 200.

¹⁶ См.: Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего митрополита Антония. Т. 5. С. 14.

¹⁷ См.: Дамиан, архиеп. Дневник моего беженства с духовенством Царицынской епархии в гражданскую войну с августа 1919 г. / Публ. З. П. Тининой // Мир Православия: Сборник научных статей. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 293.

¹⁸ См.: Переписка Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и митрополита Евлогия (Георгиевского). 1921–1922 / Публикация, комментарии, предисловие Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 96, 101.

¹⁹ См.: Ляшевский С., прот. Русские православные церкви заграницей (Церковно-исторический очерк). С. 1, 2 // Архив Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. Фонд “Liashevskii”, коробка 2, папка 14.

²⁰ Дамиан, архиеп. Дневник моего беженства с духовенством Царицынской епархии в гражданскую войну с августа 1919 г. С. 285.

²¹ См.: Заграничное русское церковное собрание. Материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 2, 30.

²² См.: Там же. С. 15, 26–28.

²³ Там же. С. 21, 25.

²⁴ Там же. С. 38–39.

²⁵ См.: Церковен вестник. 1921. № 19–20. С. 12. (На болгар. яз.)

²⁶ За рубежом. Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). Париж, 1973. С. 18. Николай Михайлович Зёрнов (1898–1980), русский философ, богослов, исследователь православной культуры, общественный деятель русской эмиграции, писатель.

²⁷ См.: Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего митрополита Антония. Т. 5. С. 16.